За власть Советов!

МУРЗИЛКА

N-11 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов НОЯБРЬ 1954

Мы заходим в троллейбус, берём билеты и садимся поближе к окошку. Кондуктор даёт сигнал — и мы отправляемся в путь. Всё в этом троллейбусе обычное: и кожаные сиденья, и окна, и кондуктор на своём боевом посту. И всё-таки троллейбус этот необыкновенный. В обычном троллейбусе за окном мелькают встречные машины, проплывают дома, витрины магазинов, улица за улицей, площадь за площадью. А в этом...

Шуршит под колёсами асфальт, брызги летят из лужиц. И вдруг мы попадаем на поле. Золотятся налитые колоски, то налево, то направо кланяется высокая рожь. Вероятно, наш троллейбус заблудился и попал в подмосковный колхоз. Как это могло случиться? Но пока мы раздумываем, рожь кончилась и за окном замелькали жёлтые шапки подсолнухов, целое поле. Что такое? Теперь мы уже не в Подмосковье, а на Украине. Проходит минута — и наш волшебный троллейбус попадает на юг. Вот растёт бамбук. Он выше двухэтажного дома! Резные листья огромной пальмы касаются земли. А сквозь окно теплицы мы увидали лимон величиной с небольшую дыню.

Мы проехали на троллейбусе всего двадцать четыре минуты, а пересекли всю страну. Побывали в Сибири и в Молдавии, в Узбекистане и на Дальнем Востоке.

Вы, ребята, конечно, захотите прокатиться на этом троллейбусе. Спросите, где можно сесть на него?

В Москве. А номер троллейбуса — «В».

«В» означает «выставка». Этот сказочный троллейбус ходит по Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. У него впереди так и написано — ВСХВ.

На выставку в Москву со всех концов нашей Родины собрали всё лучшее, что вырастили советские люди на советской земле.

Сюда прибыли делегаты пшеницы, делегаты хлопка, делегаты капусты, арбузов, винограда. А, как известно, делегатами избирают лучших!

Вот нам повстречалась лесная полоса. Друг за дружкой, подравнявшись, стоят берёзки, вязы, клёны, кусты золотистой смородины. Кажется, что деревья так и пришли в Москву строем из далёких степей.

Вдали виднеются бубенчики белорусского льна-долгунца. А вот стоят туго подпоясанные снопы алтайской пшеницы.

Чего тут только нет!

Каждая республика, край имеют свой отдельный павильон. В каждом павильоне свой запах. В одном пахнет яблоками, в другом — табачными листьями, в третьем — дыней.

Но гордость выставки — это люди, которые вырастили самую крупную картошку, самую налитую пшеницу, самый вкусный виноград, самые сочные яблоки.

На выставке звучит разная речь, но все хорошо понимают друг друга. Ведь у всех собравшихся здесь общие дела, думы и чувства.

В честь дружбы народов сооружён огромный фонтан.

Шестнадцать сестёр этот сноп собирали
И крепко его затянули жгутом.
Хорошее место снопу подобрали
И дружно его окружили потом.

И двинулись сёстры вокруг хороводом,
Земли не касаясь, идут — не спешат.
Шумят за спиною фонтанные воды,
И кажется — это колосья шуршат.

Среди участников выставки есть полеводы, садоводы и овощеводы с красными галстуками на груди. Это юннаты. У них на выставке свой павильон. Он так и называется — «Павильон юннатов».

...Мелькают за окном сады и огороды, проплывают поля. Кондуктор называет остановки: «Мичуринский сад», «Водная», «МТС»... Но из окна много не увидишь. И когда кондуктор объявил: «Следующая — «Животноводство», мы решили сойти.

Мы подошли к павильону «Свиноводство». Сначала нас не хотели пускать.

— У свинок тихий час!

Мы не поверили и попросили, чтобы нам разрешили хотя бы заглянуть туда. Нам сказали: «Только потише», и приоткрыли дверь. Действительно, чуть похрюкивая во сне, обитатели всего огромного свинарника спали крепким сном. Мы решили не беспокоить свинок и, даже не зарисовав их, отправились к коням.

Кони — это другое дело! Они не спали. Они били копытами и ржали, а это означало, что они проголодались и время обедать. Много хороших коней на выставке. Но нам больше всего понравился «Графчик»: он, завидев нас, приветливо заржал, а мы решили, что он с нами здоровается. «Графчик» — тёмной коричневой масти. На ногах у него белые «чулки». Весь он могучий, словно вылитый из металла. Прибыл он на выставку из Владимирской области. И хотя сам он тянет подводу весом 9,5 тонны, его привезли сюда на машине.

Над стойлом «Графчика» надпись: «Чемпион ВСХВ». С другим чемпионом выставки мы познакомились в коровнике. Это бык «Кри-

сталл». Он приехал на выставку из Чкаловской области. «Кристаллу» нет ещё и трёх лет, но он уже весит больше тонны.

Корова «Валюта» тоже рекордистка и тоже прибыла с Урала. Она вся белая, только на спине у неё тёмное пятнышко и голова чёрная. В день она даёт 40 литров молока. Со своей любимицей приехала на выставку и знатная доярка Урала Ольга Григорьевна Паршкова. Она здесь, как дома, ухаживает за «Валютой», доит её, выводит на прогулку.

В павильоне «Овцеводство» мы познакомились с могучим бараном по кличке «Малюк». У него рога завиваются кренделями, а шерсть такая длинная, что не видно глаз. Большинство животных прибыло на выставку на поезде. «Малюк» — важная персона — прилетел на самолёте. «Малюку» хорошо на выставке, и только одно огорчает его: в этом году его не подстригли на лето и он всё жаркое время проходил в шубе. Это для того, чтобы посетители выставки посмотрели, какая у него шуба. Посетителям хорошо, а «Малюку» жарко.

С далёкого Севера приехали на выставку олени. Их на выставке много. Они похожи друг на друга. Вот мы и нарисовали одного из них.

Г. НИКОЛЬСКИЙ,
В. ЩЕГЛОВ,
Ю. ЯКОВЛЕВ —
специальные корреспонденты „Мурзилки“ на ВСХВ

Первая ТЕТРАДЬ

В. АРКАВИНА — *Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ*

Если мальчику к первому сентября ещё не исполнилось семи лет, жить ему очень беспокойно. Каждый день, уже с мая, ему приходится напоминать маме, чтобы она пошла в школу и попросила директора принять его. А маме всё некогда, и собирается она намного позже того, как весь двор разделился на два лагеря: одни уверяют, что Лёшка непременно поступит, другие азартно доказывают, что его прогонят. Но вот оно, первое сентября! Лёша идёт в школу вымытый, подстриженный, в новой форме, с новой книжной сумкой.

Самое интересное в школе — это когда учительница раздаёт тетради. Там много написано красными чернилами. Лёша сравнивает свои палочки, крючочки и буквы с теми, что написаны красными чернилами, и видит, что у Зои Константиновны всё гораздо красивее. Поэтому ему не нравится, когда Зоя Константиновна ничего не пишет в тетради. Но однажды Зоя Константиновна сказала:

— Ребята! Вы учитесь уже больше месяца. Я начну теперь ставить вам отметки.

И тут случилось что-то не совсем приятное: у Лёши в тетради появились тройки и двойки, а у других мальчиков были четвёрки и даже пятёрки.

Сегодня Зоя Константиновна принесла в класс стопочку тетрадей и сказала:

— Ребята, вы закончили ваши первые тетради. Я даю их вам только на один день, чтобы вы показали их папам и мамам. Потом вы непременно принесёте их обратно. Поняли? Что ты должен сделать со своей тетрадью, Валя Бутов?

Валя уверенно сказал:

— Показать дома, а потом отдать вам!

А Лёшка думал о том, сколько у Зои Константиновны всяких тетрадей и как их с каждым годом становится всё больше и больше, а когда Зоя Константиновна станет старенькая, их будет так много, что из-за них Зое Константиновне негде будет жить, и тогда ей дадут отдельную комнату для тетрадей. А тетради все будут перевязаны... чем? Лёша поднял руку.

— Зоя Константиновна! А вы их чем перевязывать будете: верёвочками или ленточками?

И Зоя Константиновна, улыбнувшись, ответила:

— Если бы все тетради были хорошими, я перевязала бы их красной лентой.

Теперь Лёшка всё ясно видит: тетради, тетради, и все перевязаны какими-нибудь пустяковыми лентами: голубыми, розовыми, жёлтыми, белыми. А вот одна стопка перевязана широкой красной лентой, и там написано: «Первый класс «Б». Это их тетради. Ему делается приятно — и за их класс и за себя.

Ребята возвращаются домой, и некоторые мальчики, у которых стоят только пятёрки и четвёрки, рассматривают свои тетради и улыбаются, а девочки хвастают друг перед другом. Лёшка замечает, что у девочек больше хороших тетрадей, чем у мальчиков. Лёшка идёт молча.

Свою тетрадь он никому не может показать!

Придя домой, он вынимает чистую тетрадь, новое перо, проверяет, правильно ли налиты чернила в неразливайку, и начинает переписывать тетрадь.

Час спустя возвращается сестра Лика, но Лёшка не отрывается от тетради.

— Иди обедать, — говорит Лика. Но Лёшке некогда. Лика пробует пошуметь, но Лёшка отвечает спокойно:

— Я ведь сказал: некогда мне, не мешай, пожалуйста! — И он пишет. Лика обедает одна.

Лёша старательно выводит буквы. Он меняет перо, потому что прежнее скрипит и вот-вот начнёт кляксить. Половина тетради уже переписана. У Лёшки болят пальцы, руки, плечи и спина.

Лика пишет упражнение по русскому языку. Кончив, говорит:

— Лёшка, что же это такое? Я все письменные задания по пятому классу сделала,

а ты по первому не можешь? Что ж тебе задали?

— Не мешай! — отвечает Лёша и продолжает писать.

— Лёшка! Честное пионерское, я пойду звонить маме, хватит сидеть!

— Звони, — отвечает Лёшка.

И Лика идёт к соседям и нарочно оставляет дверь открытой, чтобы Лёшка слышал разговор.

— Институт? — спрашивает Лика. — Позовите, пожалуйста, из двенадцатой комнаты Нину Григорьевну. Это из дома. — И Лика начинает кричать маме в телефон, что Лёшка сидит, всё пишет и не ест с тех пор, как вернулся из школы.

Затем она возвращается в комнату.

— Мама велела немедленно всё оставить и пообедать, слышишь? А то, смотри, я в школу позвоню.

— А ты позвони лучше, что я через две страницы буду совсем свободный.

Наконец-то вся тетрадь переписана. Лёшка соскакивает со стула и зовёт Лику.

— Проверь! — просит он её. — А я тебе планки к карте прибью, хочешь?

Когда тетрадь проверена, Лёшка отправляется по соседским квартирам искать красных чернил, торжествующе приносит их и всюду, где раньше стояло: «Грязно — 3», «Опять кляксы — 3», он старательно выводит: «Чисто — 5», «Клякс нет — 5». Теперь всё в порядке. Что ни упражнение, то 5. Он радостно встречает на пороге маму и гордо протягивает ей свою новую тетрадь.

— А раньше, видишь, что было? — и он показывает старую тетрадь, затем быстро рвёт её на мелкие кусочки. Мама даже не успевает остановить его.

— Что же ты принесёшь завтра в школу? — возмущённо спрашивает мама.

В глазах у Лёшки искреннее удивление.

— Как что? Вот эту, хорошую тетрадь!

Наспех пообедав, Лёшка кое-как решает «столбики» и сразу ложится спать.

Наступает завтра. Все передали уже свои тетради обычным порядком — с последних парт на первые. Один Лёшка медлит. Ему хочется видеть, как обрадуется Зоя Константиновна и как похвалит его перед всем классом.

— Все? — спрашивает Зоя Константиновна.

И вот тут-то встаёт Лёшка и говорит:

— А вот, Зоя Константиновна, моя тетрадь!

— Ты хорошо сделал, что обернул её! Прежняя обложка истрепалась!

Лёшка замирает. Вдруг Зоя Константиновна не раскроет тетради и никогда ничего не узнает? И Лёшка не садится. Заранее краснея от удовольствия, он говорит:

— Она теперь вся стала лучше!

Зоя Константиновна смотрит минуту, ничего не понимая. Затем быстро листает страницы.

— А где твоя старая тетрадь?

— А я её разорвал. Показал маме и разорвал.

Наступает тишина. Лёшке становится не по себе. Ему хочется сказать, что жалеть старую тетрадь не стоит — ведь она была совсем плохая. Но Зоя Константиновна знала это и без Лёшки и всё же велела непременно вернуть тетрадь. Ах, почему Лёшка только сейчас так ясно вспомнил это? Он шепчет тихо, но в тишине класса шопот его слышен:

— Я хотел, чтоб наши тетради перевязали красной лентой!

Через несколько минут Зоя Константиновна говорит:

— Положите ручки, карандаши. Закройте книги. Я поговорю с вами сегодня о первых тетрадях. Вот вы пришли в первый класс, уже умея хорошо ходить и бегать. А у многих мам ваших лежат стоптанные туфельки — первые, в которых вы научились ходить, потому что вам и вашим мамам пришлось много поработать над тем, чтоб научить вас ходить прямо, не заплетаясь ногами, не падать с разбегу. Писать человек тоже не может научиться сразу, и вот по этой первой тетради я следила за тем, как вы учились писать палочки, потом буквы, потом слова. Ваша первая тетрадь — рассказ о том, как вы стали грамотными. Понятно это вам?

Ребята молча кивнули головами.

— А вот про Лёшу у меня такого рассказа не будет: он себя сам лишил первой тетради.

Лёша сидел и думал о том, что он и впрямь поступил не так, как надо.

— Но, — сказала, помолчав, Зоя Константиновна, — Лёша потрудился над своей тетрадью, и я думаю, что если он станет всегда и всюду писать вот так, значит он научился писать, и мы будем считать эту тетрадь его первой тетрадью.

Лёшка стремительно поднял руку. Зоя Константиновна кивнула. Поднявшись, Лёшка сказал:

— Я всё теперь понял. Не надо, чтоб у меня не было первой тетради. Пусть у меня, как у всех, будет первая тетрадь! И я теперь всегда буду хорошо писать, только не надо считать с сегодняшнего дня. Я вчера устал, когда переписывал тетрадь, и спешил, когда делал столбики по арифметике. Я теперь, вот увидите, как буду писать! А если я напишу когда-нибудь плохо, мы эту тетрадь вынем и разорвём, и пусть тогда у всех будет первая тетрадь, а у меня — нет!

На том и порешили. И Зоя Константиновна положила Лёшкину тетрадь в общую стопку.

ИОНЮКАС

(РАССКАЗ ИЗ ПРОШЛОГО)

И. БИЛЮНАС *Рис. Ю. КОРОВИНА*

Шестилетний Ионюкас уже пастух. Пасёт он гусей. Правда, это чужие гуси. Но Ионюкас и не помнит, чтобы его отец когда-нибудь держал гусей. И как было отцу их держать, если он жил в местечке, в развалившейся избушке, а земли у него было всего маленький огородик, да и тот, говорили, хозяйский. А теперь отца нет. Где он, мальчик хорошо и не знает. Только помнит Ионюкас пасмурный, дождливый день. Он сидел, съёжившись, на скамейке и смотрел, как большие капли воды, извиваясь, словно живые сползали по стеклу. В другое время Ионюкас обязательно бы надавил пальчиком на мокрое стекло и водил бы, водил: такое «дзиру-дзиру» казалось ему лучшей музыкой. Но в этот раз побоялся: видел, что все печальны, молчат; отец с озабоченным видом обувался; мамка, держа на руках маленького братца, плакала навзрыд.

Помнит Ионюкас, как несколько женщин и дядя Иокубас пришли провожать отца. Все вздыхали, охали, говорили, что надо будет итти далеко, что там отца и убить могут.

Ионюкас как следует не понимал, что всё это значило, но и его маленькое сердце сжало, словно тисками. И когда отец начал со всеми прощаться, Ионюкас соскочил со скамьи, схватил отца за полу и никак не хотел отпускать.

Отец обнял его и поцеловал в голову. Потом он закинул за плечи котомку и вышел вместе с провожавшими...

С тех пор Ионюкас больше не видел своего отца. Никто уже не приносит ему из местечка ни баранок, ни сладостей.

Ионюкас остался жить в избушке со своей мамкой и маленьким братиком. Но мамку он не так любил — боялся её. Говорили, что у него была другая мамка, которая умерла и оставила его совсем маленьким. Что это значило, Ионюкас хорошо не понимал: только когда он видел, как мамка держит у себя на коленях маленького братика, ему хотелось подойти к ней и тоже прижаться, но он не смел.

Ионюкас целыми днями сидел на печи, потому что на дворе было холодно, и мастерил из щепок рамочки, как научил его ещё отец. А когда мамка начинала его бранить, он забирался в самый угол и глядел оттуда своими большими светлыми глазами. Соседки приходили навестить мамку, и Ионюкас слышал, как мамка жаловалась, что хлеба не хватает, и говорила, что его, Ионюкаса, надо отдать в пастухи, если только кто возьмёт, а то что ж ему дома даром хлеб есть. Женщины качали головами, поддакивая мамке, и жалостливо поглядывали на угол со щепками.

И вот однажды в избушку вошёл незнакомый человек в дублёном полушубке и, поздоровавшись, спросил мамку:

— Ну, где же ваш пастух?

При этих словах у Ионюкаса задрожало сердце.

Мамка велела ему вылезти из угла и поцеловать «дяде» руку.

Незнакомец осмотрел Ионюкаса со всех сторон и покачал головой:

— Не мал ли?

Потом набил табаком трубку и, закурив, добавил:

— Ну, да пасти гусей хорош будет. Сколько вы за него хотите?

Ионюкас слышал, как «дядя» начал с мамкой торговаться, как мамка просила надбавить хотя бы мерку картошки, как «дядя» дал мамке бумажку денег.

— Ну, собирайся, поедем, — сказал после этого «дядя». — Не бойся, тебе хорошо будет: каждый день по три раза буду драть, по разу есть давать.

Сказал и засмеялся. Но Ионюкасу было не до смеха.

Понемногу Ионюкас привык на новом месте. Правда, хозяйка была злая, гоняла его то за тем, то за другим, бранила, не раз и колотила, но зато здесь его кормили лучше, чем дома. Сначала приставили его к малому ребёнку. А когда потеплело и стали появляться гусята, началась новая работа: надо было их кормить. Когда совсем потеплело, хозяйка собрала гусят в короб, вынесла их за овин на лужок и пустила пастись. Ионюкас пас их и берёг от коршуна. Когда гусята подросли, Ионюкас вместе с другими ребятами выгнал их в поле. Здесь Ионюкасу понравилось: с поля видно было местечко, где жила его мамка, кругом пасся скот, в кустарнике отдыхали лошади. Всё ему было ново, занятно. Деревенские ребята верхом ездят — и Ионюкасу очень бы хотелось так поездить, на телегах катаются — и ему хочется кататься. Пастухи песни поют — и он пробует петь.

Неизвестно почему Ионюкасу больше всего понравилась песня, которую он услышал в деревне. Ионюкас знал только несколько слов, но ему и этих было достаточно. Гоняет он своих гусей по полю и кричит во весь голос:

Ах, вия, пинавия,
Расцветала, как лилия!..

— Что ты здесь поёшь? — спросил однажды Антанас Моркунас, возвращаясь с поля, куда он возил навоз.

Ах, вия, пинавия,
Расцветала, как лилия!..

Ионюкас ещё больше кричит, желая похвалиться, и не отводит глаз от Антанасовой телеги.

«Вот бы мне покататься!» — проносится в голове мысль.

— Садись в телегу, покатаю, — говорит Антанас Моркунас, словно понимая тайное желание Ионюкаса. — Только смо-

три, всё время пой, пока я тебя буду возить.

Ионюкас даже посветлел от радости, бросил своих гусей и сел в телегу.

— Ну, пой! — говорит Антанас и ударяет по лошади.

Телега, грохоча и подпрыгивая, катится по дороге, трясёт тельце Ионюкаса, но он изо всей силы кричит:

Ах, вия, пинавия,
Расцветала, как лилия!..

— Откуда ты такого певца подхватил? — спрашивают Антанаса в деревне.

— В поле, — отвечает со смехом Антанас. — Согласился мне петь за то, что катаю.

Все смеются над этой выдумкой, всем она почему-то кажется очень забавной. Когда Ионюкас возвращается в поле, все, кто едет мимо Ионюкаса, приглашают его

свою песню, хотя телега сильно сотрясает всё его тело. И горло у него разболелось, и голос охрип... Но он поёт, лишь бы только его катали, — ведь он никогда ещё не катался. Всё время, пока возили навоз, Ионюкас катался и всё время пел свою песню, совсем забыв о гусях и хозяевах. Только под вечер собрал он своё стадо, да вот беда: нет двух гусят.

А хозяйка, как нарочно, стоит у ворот.

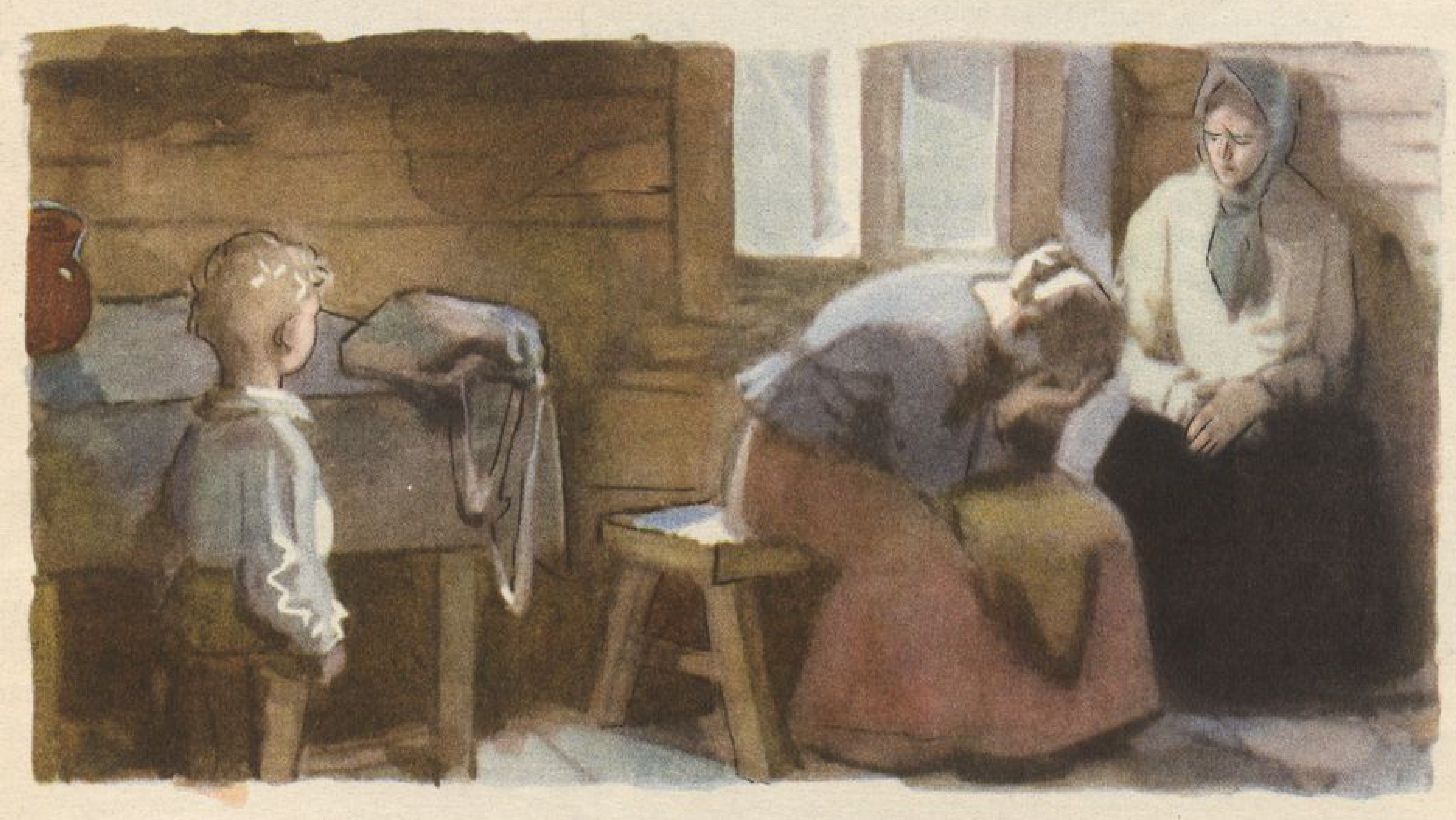
— Все ли? — спрашивает она и начинает пересчитывать...

— Двоих не хватает! — кричит. — Ах ты, негодник, так-то ты стережёшь?

И, бросившись на Ионюкаса, начинает его колотить.

— Сейчас же беги, найди их. Не найдёшь — запорю!

Ионюкас обегал всю деревню, всё поле — нету. Он несмело открывает дверь

садиться на телегу и велят петь. По всей деревне раздаётся звонкий детский голос:

Ах, вия, пинавия,
Расцветала, как лилия!..

— Совсем замучают ребёнка, — соболезнует, глядя на Ионюкаса, женщина. — Известное дело, сирота... каждый обидит.

Но Ионюкас, весёлый и счастливый, катается целый день, целый день распевает

избы, хочет проскользнуть незамеченным. Но хозяйка тоже облетела всю деревню, не нашла гусят и теперь ждёт Ионюкаса.

— А, тебе кататься, кататься! — кричит она не своим голосом и хлещет мальчика розгой по плечам, по спине, по ногам.

От испуга и слёз у Ионюкаса перехватывает дыхание, он падает. А она пинает ногой и бьёт, бьёт... Когда, устав бить, она отпускает Ионюкаса, он уже не может

подняться — так болит у него всё тело. С трудом взбирается он на кровать и долго не может заснуть. В первый раз в его маленькой головке рождаются горькие мысли.

Утром, выгоняя гусей в поле, он ещё чувствует боль во всём теле, и всё вчерашнее встаёт перед ним. Может быть, он скоро и позабыл бы всё, но в полдень приходит в поле «дядя», видит, что он играет с детьми, а гуси пасутся поодаль, и больно его колотит. Горько рыдает Ионюкас. Нет, при отце никогда бы так не было! И Ионюкас вновь вспоминает дом, мамку. В голове проносится мысль: а если отец уже вернулся? И его охватывает такое неодолимое желание побежать в местечко, посмотреть, что дома. Сам того не замечая, он начинает удаляться от гусей. Вот уже видно с горки и костёл и дома, а тут же, за рекой, и отцовская избушка. Ничего другого не хочет он, только войти в избушку и поглядеть, что там делается. А что, если отец дома? И сердечко Ионюкаса начинает сильно биться...

Вот уже и мост, вот уже недалеко отцовский домик. Подойдя к домику, Ионюкас останавливается, словно не смея итти дальше. Но постояв немного, он робко открывает дверь и входит внутрь. Первое, что бросается ему в глаза, — это котомка, та самая котомка, которую отец, уходя из дому, унёс на плечах. Котомка лежит на столе, недалеко от дверей, только теперь она грязная и будто несчастная. На скамье сидит мамка с братишкой и тётушкой Уршуле. Мамка плачет.

— Так это вам из волости сумку принесли? — спрашивает тётушка Уршуле.

— Из волости, кума, из волости, — отвечает, всхлипывая, мамка и вся в слезах, жалобным голосом причитает: — Уж не вернётся больше голубчик мой бедный, гниют его кости в далёкой, чужой сторонушке! Нет больше моего работничка! Куда я теперь денусь, горемычная?..

Слышит это Ионюкас и весь обмирает, веки его начинают быстро-быстро мигать, и большие слёзы катятся по личику.

— Куда я теперь денусь?.. На что жить буду?.. — стонет мамка.

Вдруг, словно только теперь увидав Ионюкаса, она начинает кричать:

— Ну, а этот зачем ещё пришёл, его ещё не хватало! Уж не удрал ли ты от хозяев?

— Посовестись, кума, такое малое дитя... — хочет заступиться за Ионюкаса тётушка Уршуле.

— По глазам вижу, что удрал! Где твои гуси? — кричит мамка.

— В поле... — произносит побелевшими губами Ионюкас.

— А-а, в поле! Боже мой, боже мой! — стонет мамка. — Выгнать ведь могут его хозяева, куда я его тогда дену?

Сама не зная, что делает, мамка подбегает к печке, хватает метлу и гонит Ионюкаса в дверь.

Еле живой выбегает Ионюкас из избы и что есть силы бежит назад. Долго ещё слышит он позади себя крикливый голос мамки, но боится обернуться.

Прибежав в поле к своим гусям, он еле может перевести дыхание. Измученный, бросается он на межу и горько-горько плачет.

Перевод с литовского

НАША КОМПАНИЯ

МИХАИЛ КОРШУНОВ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Вы хотите знать, сколько человек в нашей компании? Мы вам скажем: пять. Пока пять, потом, очевидно, будет больше. Числится при нас ещё кошачий подросток Мышкин — чёрный, как головешка, с хвостом, похожим на ёршик для примуса, доносчик и сплетник. Ну, о Мышкине это так, между прочим.

Добрая молва о нашем слаженном и весёлом житье уже распространилась по всему дому.

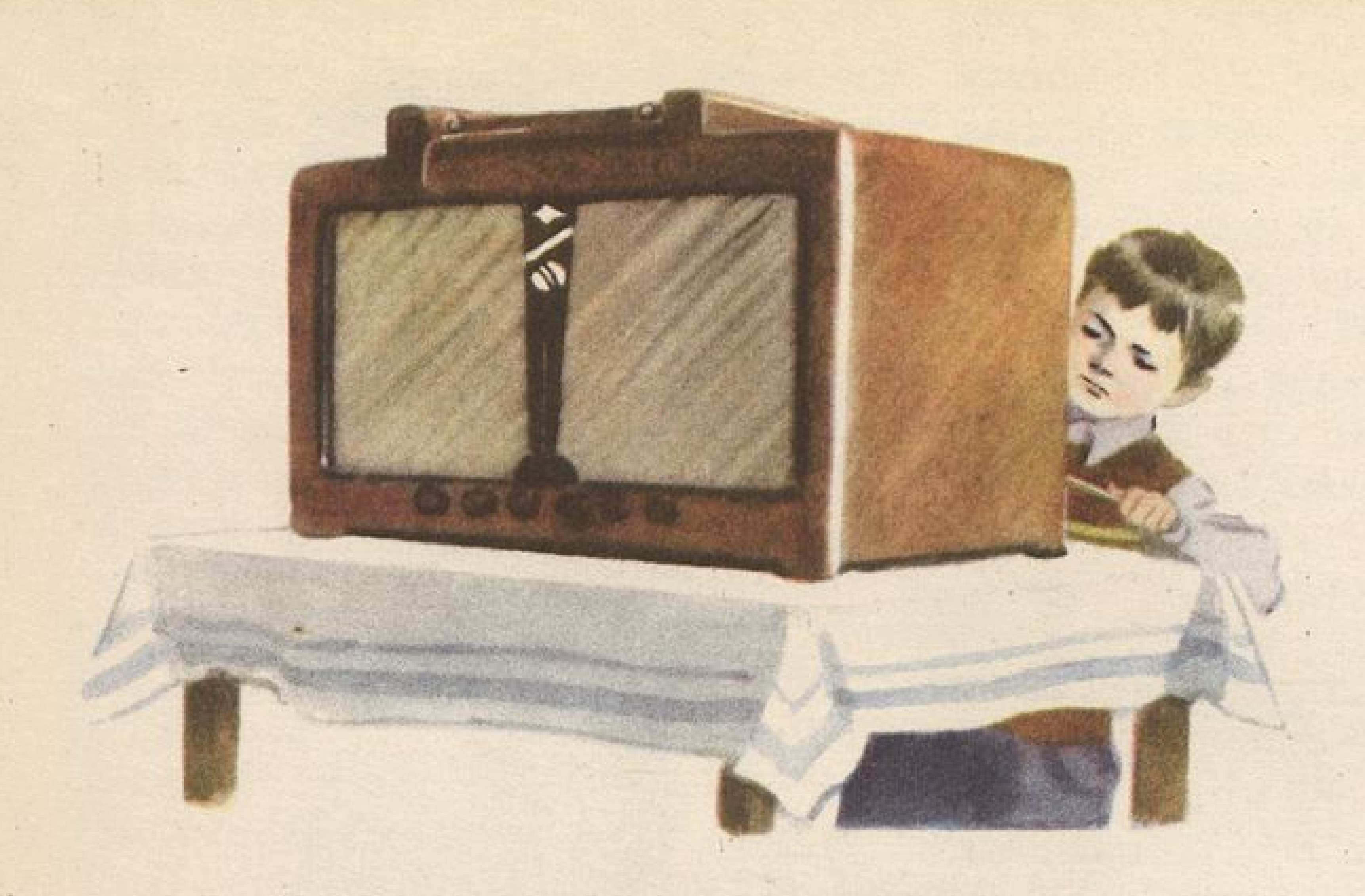
Кто же в нашей компании?

А вот слушайте...

Первым следует назвать Даньку. Даньке шесть лет. Человек он скорых решений и очень понимающий в технике. Больше всех он уверен в этом сам. Обнаружив на улице какой-нибудь предмет технической ценности, Данька, чтобы пронести его домой, кладёт не в карман, а под шапку (если дело происходит зимой) или под кепку (если дело происходит летом). В карман класть нельзя: Данькина бабушка Глафира Карповна обладает удивительно отсталыми взглядами и с холодным сердцем вышвыривает экземпляры технической ценности в мусорное ведро.

Однажды Данька забылся и скинул шапку в передней. Посыпались винтики, шпинтики, болтики. К счастью для Даньки, в передней в тот момент не оказалось Глафиры Карповны, а то бы этому тайнику наступил конец. Правда, Мышкин ухватил было один шпинтик в зубы и хотел улепетнуть с ним на кухню к Глафире Карповне, но Данька изловил его, пригрозил суровой расправой, и Мышкин, испугавшись, шпинтик отдал.

Второй в нашем коллективе следует назвать Варю. Варя учится в третьем классе и на уроках пения поёт в первых голосах. Это, конечно, имеет немаловажное значение, так как Варя время от времени напоминает нам об этом. Кончик её беспокойной рыжей косички вечно перепачкан чернилами. За Вариной спиной сидят в классе подружки, которые в хоре поют во вторых голосах, поэтому они изредка

макают Варину косичку к себе в чернильницу. Извольте судить сами, что значит первый голос и второй, какая между ними пропасть.

Есть среди нас ещё одна девочка, которую мы зовём Томиком. Ходит она в пижамной куртке и в пижамных штанах, чем весьма смахивает на мальчугана. На жизнь Томик смотрит широко раскрытыми глазами, в которых не бывали ещё ни упрёк, ни обида, ни горечь, а заглядывали в них только герои из детских книжек да плюшевые игрушки.

Все эти ребята мои соседи по лестничной площадке.

Теперь осталось сказать о себе самом и о Прасковье Филимоновне. Я по профессии чертёжник, а Филимоновна — это моя домашняя хозяйка. Она строгая и требовательная и держит всю нашу компанию в полном повиновении.

Составилась наша компания после того, как я получил на работе денежную премию и купил телевизор.

Телевизор был привезён из магазина в большом картонном ящике. И только ящик внесли в квартиру, как немедленно появились Данька, Варя и кошачий подросток Мышкин.

Данька и Варя были столичными жителями, поэтому давно уже знали, что такое телевизор.

— А вы его скоро из ящика вытащите? — спросил Данька, и от технического любопытства у него даже нос заострился.

— Сейчас и вытащу. Ну-ка, помогайте!

Пришла ещё Филимоновна. Мы все четверо вынули из ящика телевизор.

— А когда передачи смотреть будем? — поинтересовалась Варя.

— Придут механики, установят антенну, и тогда будем смотреть.

Когда Филимоновна ушла на кухню, Данька с пересохшим от нетерпенья ртом сказал:

— Вот бы его оглядеть!

— Огляди. Разрешаю.

Данька попробовал, как двигается матерчатая шторка перед экраном, крепко ли припаяна латунная марка «Ленинград», проверил, действуют ли кнопки, потом пролез под столом, на котором стоял телевизор, и начал исследовать его с обратной стороны.

— А здесь неправильно, — вдруг заявил он.

— Что неправильно?

— Винты откручены. Раз... два... три... Шесть винтов, и все откручены. Их закрутить надо.

— Погоди, Данька, может, их и закручивать не требуется.

— Нет, требуется. Все винты должны быть закручены. Я знаю.

— Да не слушайте вы его! — сказала Варя. — Он у нас дома все гвозди до конца позаколачивал. А мама на них картины хотела повесить.

— А что? — донёсся из-за телевизора натуженный голос Даньки: Данька уже закручивал своей отвёрткой винты. — И правильно. Если гвоздь, то надо его до самой шляпки забивать.

— Сам ты шляпа!

— Вот я как вылезу, как возьму молоток и тебе по лбу как тресну!..

— Это что там за разговоры о молотке, а? — прикрикнула из кухни строгая Филимоновна. — Это кто там кого треснет?..

Данька замолк.

Когда он уходил домой, Мышкин, сияющий от счастья, поволок вслед за Данькой огромную костяку, подарок Филимоновны.

На другой день пришли механики и установили на крыше дома антенну с перекладиной и подключили к ней телевизор. Данька при сём присутствовал. Он помогал механикам разматывать длинный кабель, просверливать в оконной раме отверстие, чтобы вывести кабель наружу, к антенне, суетился, предлагал свои инструменты — утюг, ножницы, отвёртку, — но механики сказали, что утюг и ножницы им не требуются, а отвёртки у них имеются собственные.

Когда телевизор включили и экран засветился голубоватым светом, то на нём вместо изображения замелькали какие-то нити, чёрточки, кружочки.

Механики тут же выдвинули телевизор из угла и обратились к винтам сзади.

— Что же вы, товарищ, — сказали они мне, — сбили настройку у телевизора? Позатягивали винты.

Краем глаза я покосился на Даньку и сказал:

— Я думал, если винты, то их всегда закручивать надо.

— Прежде чем крутить, необходимо знать, что крутишь и зачем, — ответили мне механики.

Данька сморщил губы, покраснел и взглянул на меня. В его взгляде была благодарность за то, что я принял его промах на себя.

И вот вечером я, Варя, Данька, Томик и Филимоновна, да и Мышкин, конечно, собрались возле телевизора. Мы долго делили места, кому где сидеть. Ведь это не на один вечер, а на много вечеров — на сто, на двести, а может и на тысячу. Впереди, у самого телевизора, на низенькой табуреточке устроился Томик. Томик желал смотреть с самого близкого расстояния. Когда Томик совсем уже прикасался носом к экрану, мы оттаскивали Томика вместе с табуреткой, потому что он заслонял нам изображение и от его дыхания запотевал экран. За Томиком на стульях сидели Данька и Варя. Следом за ними — Филимоновна. Я же расположился сбоку на диване. Почти спальное место.

Так как телевизор не имел запаха ни баранины, ни курятины, то у Мышкина постепенно понизился к нему интерес. И Мышкин или выходил на лестницу и сплетничал там со своими кошачьими приятелями, или начинал скакать по квартире. Филимоновна сердилась и предлагала его выдрать. Варя успокаивала её, говорила, что у Мышкина переходный возраст и это скаканье скоро пройдёт. Но когда Мышкин слишком уж увлекался беготнёй и прыжками и мешал нам смотреть передачи, тогда Данька призывал на подмогу технику: он привязывал на шею Мышкину колокольчик. Мышкин замирал и сидел не дыша, боясь пошевелиться, чтобы колокольчик не зазвенел, что очень пугало Мышкина.

Между прочим, Данька недавно хотел пронести домой под кепкой чересчур тяжёлую технику и набил ею шишку, так что Глафира Карповна вынуждена была прикладывать к голове внука большой висячий замок от сундука.

Показывали кинокартину про войну. Изображение было чётким, как в обыкновенном кино. Если затевалась сильная стрельба, Томик отъезжал на табуретке от экрана и пригибал голову: следует побеспокоиться и о личной безопасности. Данька съеживался, но голову держал ровно.

Филимоновна до того досмотрелась, что забыла про яйца, которые варились у неё на плите, и вспомнила лишь тогда, когда они начали взрываться.

С тех пор и возникла наша занятость по вечерам.

Однажды мы смотрели трансляцию спектакля из театра. Филимоновна выразила недовольство тем, что артисты плохо замаскированы (загримированы). Филимоновна вообще часто говорит на свой лад. Наклейки на бутылке — этикетки — она называет «экикетки». Или вот слово «энтузиазм» Филимоновна тоже переворачивает шиворот-навыворот — «энтузизам». Но всё это оказалось сущими пустяками по сравнению со словом, которое мы услышали при одной передаче. Диктор назвал фамилии артистов и вдруг сказал: «церемониймейстер такой-то».

— Це-ри...

— Мо-ри...

— Ме-ри...

В этом слове захлебнулась не только Филимоновна, но и Варя, и Данька, а Томик — тот совсем утонул, пустил пузыри. Но сообща мы всё-таки вынырнули на поверхность и потом уже относительно легко переплыли через такие преграды, как «танцмейстер» и «капельмейстер».

Очень мы все сдружились и сделались весьма грамотными в сельском хозяйстве, в искусстве, в спорте. Мы теперь знали, что, кроме обыкновенных комбайнов, есть ещё комбайны для сбора урожаев кукурузы, капусты, хлопка. Познакомились с названиями новых кормовых культур — «суданка» и «макар», сортов картофеля — «октябрёнок» и «промышленный». Постигли игру в канадскую шайбу, в настольный теннис; пересмотрели все современные театральные постановки и кинокартины.

Запомнили десятки новых слов и понятий, а Данька и Томик выучились читать всевозможные надписи.

И всё это — не выходя из комнаты!

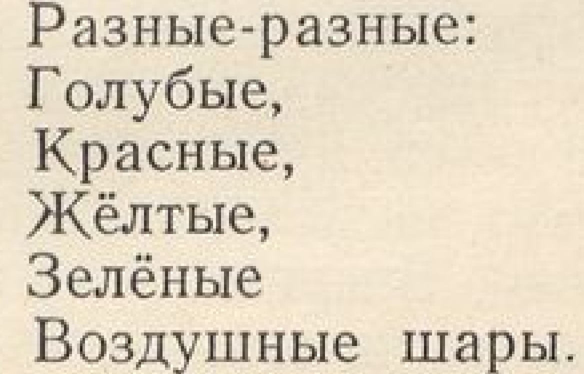
Если вы хотите с нами познакомиться — приходите в гости. Народ мы приветливый, не скандальный и с удовольствием выделим вам место у телевизора и примем в свою компанию.

Милости просим!

ЦВЕТНЫЕ ОГОНЬКИ

Я. АКИМ

В праздники на улицах
В руках у детворы
Горят,
Переливаются
Воздушные шары —
Разные-разные:
Голубые,
Красные,
Жёлтые,
Зелёные
Воздушные шары.
Очень любят шарики
Ребята в эти дни,
У каждого
За пуговку
Привязаны они —

Разные-разные:
Голубые,
Красные,
Жёлтые,
Зелёные
Воздушные шары.
Вот над демонстрацией
Летят они, легки,
Как будто в небе
Вспыхнули
Цветные огоньки —
Разные-разные:
Голубые,
Красные,
Жёлтые,
Зелёные
Цветные огоньки!

МЕТКА

ЯН ГРАБОВСКИЙ

Рис. М. БУТРОВОЙ

На той стороне улицы, почти напротив нашей калитки, стоял в саду дом.

Постоянным жильцом этого дома был Попелек, почтальон. Он был вдовцом и растил двух дочерей-близнецов, Зосю и Висю. Девочки были так похожи друг на друга, что я различал их только по цвету ленточек, которыми они завязывали свои тоненькие косички. Были они степенные, важные, говорили мало и всегда обе разом. На прогулках они водили за собой на красной ленточке чёрную овечку, которую звали Жемчужинкой.

Жемчужинка — это было чудо ума и верности. Она всегда ходила за девочками по пятам. Когда её называли по имени — блеяла.. Но всё-таки это была овца. И не больше.

Однажды девочки несколько дней не показывались со своей овечкой на улице. Я решил, что кто-нибудь заболел. Как вдруг как-то после обеда сестрички влетают ко мне в сад.

— Что у вас случилось? — спрашиваю.

— Ах, дядя Ян! — всхлипывает Зося.

— Такое несчастье! — вторит Вися.

И обе в слёзы! Плачут — прямо заливаются.

Я их успокаиваю, как умею. Дал по конфетке. Никакого впечатления. Дал по второй — не помогает. Только когда появились вишни в сахаре, удалось кое-что выяснить: Жемчужинка умерла.

— Что ж тут поделаешь, милые? — говорю. — Тут уж ничем не поможешь.

— А что будет с Меткой? — спрашивает меня Вися — и снова в слёзы.

— Да, как же Метка? — повторяет сквозь слёзы Зося.

— Какая такая Метка? — удивляюсь я. — В жизни не слыхал ни о какой Метке!

Оказалось, что у Жемчужинки появилась дочка, что эту дочку — такую же чёрную, как и её мама, — девочки уже назвали Меткой, что Метке этой всего

три дня отроду; о том, чтобы кормить её из соски, не может быть и речи, и в общем дела такие, что хоть прощайся с Меткой.

Сижу и думаю, как бы пособить маленьким, заплаканным девочкам. И вспоминаю вдруг о нашей Верной!

— Давайте сюда свою сиротку! Верная — собака добрая. Она как раз сейчас кормит сынишку. Может быть, примет и вашу Метку в свою семью. Попробуем!

Сестрички удивлённо посмотрели на меня.

— Нашу Метку отдать собаке? — протянула поражённая Зося.

— В собачью конуру? — поддержала её Вися и пожала плечами.

— Или в собачью конуру, или ничем вам помочь не смогу, — коротко отвечаю я. — А что ваша Метка за птица такая, чтобы не могла стать приёмной дочкой моей Верной?

Девочки переглянулись, подумали, подумали и, ни слова не говоря, побежали домой. Через минуту вернулись.

— Вот она! — говорит Вися и развёртывает кусок старой овчины. А там — ягнёночек.

Идём с Меткой к конуре. Зову Верную. Выходит.

Я положил перед Верной на землю Метку в овчинке. Метка была так слаба, что не стояла на ногах.

— Это свой, — говорю Верной. — Свой, милая!

«Да как же можно не пожалеть такого беспомощного червячка?» — отвечают мне честные собачьи глаза.

Взяла моя Верная ягнёнка осторожно за шиворот, унесла к себе в конуру.

Девочки онемели от изумления. А когда пришли в себя — схватили овчину и полезли обе разом в конуру!

— Вы уж не вмешивайтесь! — говорю девочкам. — Видно, Верной овчинка ваша ни к чему. Уж она лучше знает, как ей воспитывать свою приёмную дочку.

Девчушки постояли перед конурой с овчинкой в руках, постояли — и пошли.

Но с тех пор по нескольку раз в день появлялись на нашем дворе. Приносили с собой какое-нибудь угощение для Верной, молча клали его в миску и усаживались на корточках перед конурой. Но Метки не было видно. Только иногда выглядывал из будки каштановый увалень — сынишка Верной, пушистый и круглый, похожий на плюшевого медвежонка. Сестрички окрестили его Мишкой.

Но Мишке не хотелось выходить из конуры. На свете в это время было совсем неинтересно. Без перерыва лил дождь, стоял пронизывающий холод, как часто бывает ранней весной.

Наконец как-то выглянуло солнце. Зося и Вися как раз вертелись около конуры. И вдруг я слышу визг:

— Вот она! Вот она! Наша Метка! Наша Метка!

Гляжу — через высокий порог конуры с трудом переваливается каштановый клубок: Мишук вышел. Уселся, зевнул и с аппетитом чихнул. За ним выскочила Метка.

Мишка отправился путешествовать по двору — Метка за ним. Задерживалась, когда он садился; пускалась галопом, когда Мишка без видимой причины вырывался вперёд. Мишка залез в лужу — Метка зашлёпала по воде. Намокший Мишка заплакал — заплакала и Метка, хотя вовсе не намокла. Чудачка!

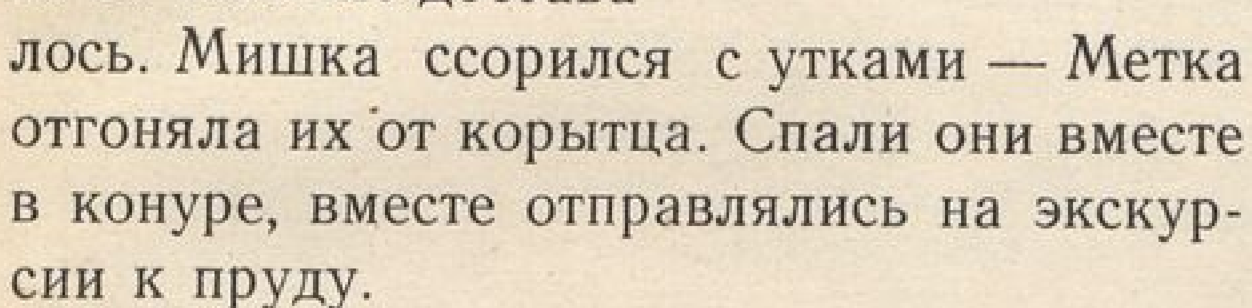
* * *

Девочки перестали ходить к нам. Они уехали на лето к тётке в деревню.

Я был рад этому. Почему? Да как вам сказать?.. Я всё более убеждался, что их Метка ни капли не похожа на свою маму — Жемчужинку.

Метка делала всё то же, что делал Мишка. Мишка гонялся за курами — Метка гонялась за курами. Мишке часто влетало от белого петуха — и Метке от него же доставалось. Мишка ссорился с утками — Метка отгоняла их от корытца. Спали они вместе в конуре, вместе отправлялись на экскурсии к пруду.

Одно только разделяло их — еда. Метка, правда, совала нос в собачью миску, но каши есть не могла. Зато и Мишка удивлялся, когда Метка щипала траву или жевала сено.

Как-то я купил для Метки овечьего лакомства — кусок каменной соли. Положил его в решето и повесил на столбе.

Ну и заработала же Метка языком, вылизывая соль! Прямо как ветряная мельница крыльями. Заметил это Мишка. Заворчал, тявкнул, оттолкнул Метку и хвать зубами соль! Да как фыркнет! Начал чихать, отплёвываться, вытирать язык о траву. С тех пор с отвращением смотрел на Метку, когда она лизала соль.

Не думайте, однако, что у Метки с Мишкой вкусы были всегда разные. Валялась у нас на дворе кость, мосол, обглоданный так чисто, что даже запаха кости в нём не осталось. Была это собачья игрушка. Каждый щенок грыз её скуки ради. И как раз из-за этой игрушки однажды Мишка с Меткой подрались! Да так основательно, что Мишка, скуля, убрался в конуру.

Моя сестрёнка научила Мишку служить. Вскоре и Метка стала ходить на задних «лапах». Да ещё и «просила» передними ногами куда ловчее и старательнее, чем Мишка, который вообще был страшным лентяем и ничего не хотел делать как следует.

Прошло лето. Зося и Вися вернулись от тётки. И в тот же самый день пришли посмотреть, как поживает их Метка.

Отворили они калитку, остановились. Первым увидел их Мишка. Бросился к ним с лаем. За ним — Метка. Оба прыгают вокруг девчушек, а те стоят, не смеют пошевелиться и смущённо улыбаются.

Вышел я на этот шум, дал каждой сестричке по куску соли.

— Поздоровайтесь с Меткой, — говорю.

Метка почуяла соль. И сразу стала «служить». Просит, машет передними ножками.

Сестрички — хохотать!

— Как собака! Как собака! — заливаются обе.

Но вдруг Зося посерьёзнела и говорит:

— Но только уж наша Метка не будет такая, как её мама!

А Вися тоже:

— Не будет такая тихая, ласковая, как настоящая овечка!

— Ну и что же? — спрашиваю я. — Разве вы будете её за это меньше любить?

Зося на минутку задумалась.

— Пусть уж будет такая, какая есть! — шепнула она.

— Мы и такую будем любить, — поддержала её Вися.

Перевод с польского

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

ПЁСТРЫЕ

ИДЁТ ОТРЯД

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

Идёт под знаменем отряд:
Четыре в ряд!
Четыре в ряд!
И нету шага правильней,
Чем шаг под красным знаменем.

МАЛЯР

А. БАРТО

Мы с дедом красили сарай,
Мы встали с ним чуть свет.
— Сначала стену вытирай! —
Учил меня мой дед.

— Ты оботри её, очисть,
Тогда смелей берись за кисть.

Так и летала кисть моя!
Гремел на небе гром,
А мне казалось, это я
Гремлю своим ведром.

Ну, наконец, сарай готов!
Мой дедушка так рад!
Эх, взять бы краски всех
цветов
И красить всё подряд!

Немного краски есть в ведре,
На донышке, чуть-чуть.
Я завтра встану на заре,
Покрашу что-нибудь.

Один костёр весь свет
согревает.

У двух матерей
По пяти сыновей.

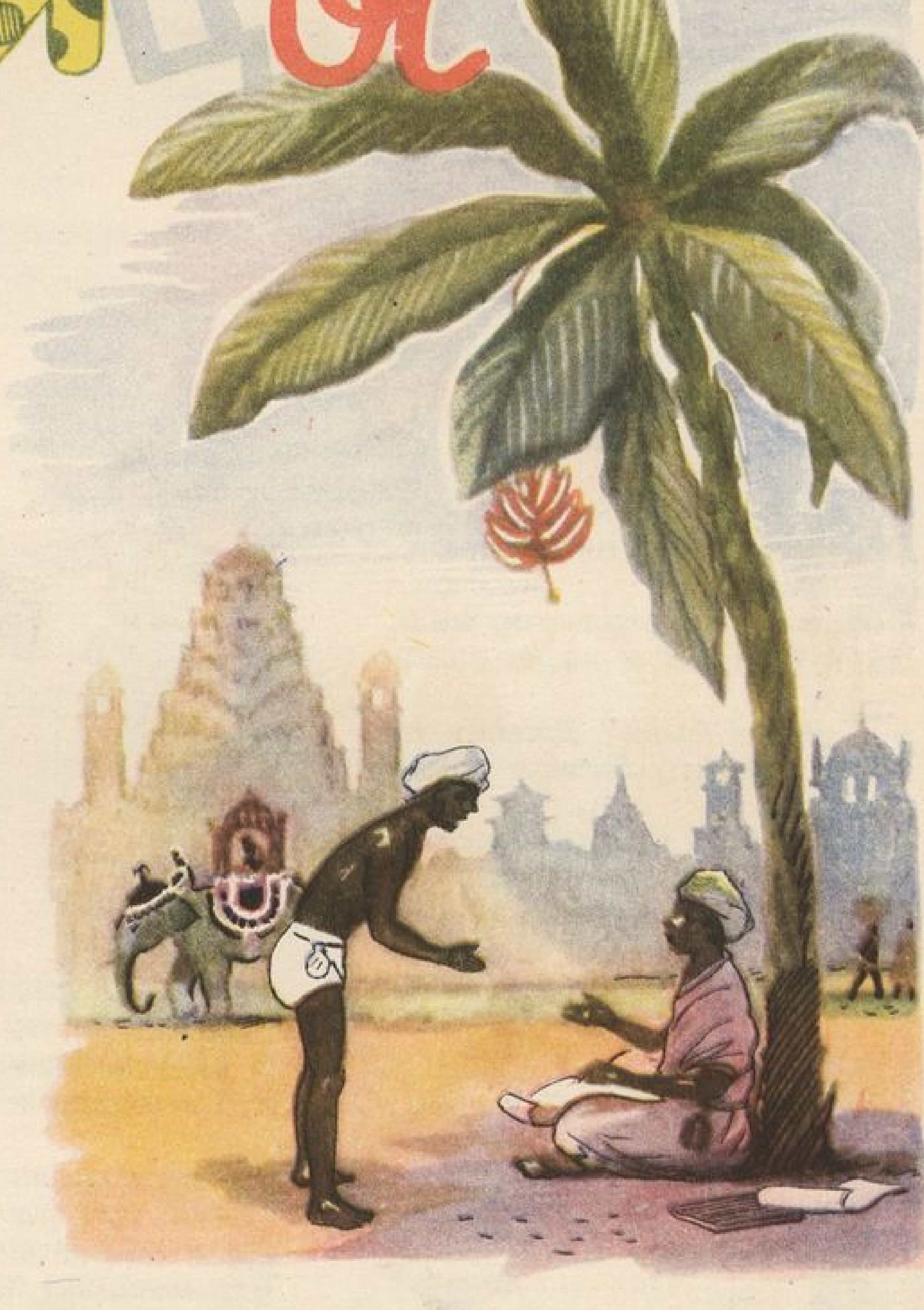

Фырчит, рычит,
Ветки ломает,
Пыль поднимает,
Тебя с ног сбивает.
Слышишь его,
Да не видишь его.

ИСКУСНЫЙ ПИСАРЬ

(Индийская басня)

В большом индийском городе жил башмачник. Никто лучше его не мог сделать таких красивых, шитых шёлком и золотом башмачков.

Но грамоты он не знал. Случилось так, что понадобилось ему послать письмо брату.

Что делать?

Отправился башмачник на городскую площадь искать там писаря.

В тени бананового дерева сидел босоногий человек в лёгкой белой одежде, с маленькой цветной чалмой на голове; к поясу его была привешена медная чернильница.

Башмачник низко поклонился ему.

— Сможешь ли ты, уважаемый, написать небольшое письмо?

— Хорошо. Но скажи прежде: далеко ли живёт тот, кому ты собираешься писать?

— Не так близко: в деревне, за городом живёт он.

Писарь помолчал немного и ответил так:

— Не могу я написать тебе письма: у меня болит нога.

— Но, высокодостопочтеннейший, ведь письма пишут не ногами! — удивился башмачник.

— Это так, но не могу же я с больной ногой итти в деревню!

— Да ведь я тебя туда не посылаю! — воскликнул ещё более удивлённый башмачник.

— И то правда! — согласился писарь. — Да тот, кому ты хочешь писать, обязательно пришлёт за мной.

— Зачем?

— А затем, чтобы я прочитал ему письмо. Я, друг, так пишу, что моего писания другому никак не разобрать!

Пересказала В. ВОРОБЬЕВА

БАРБОСЫ

В одном селе
Один барбос
Залаял на луну.
Не так уж сильно этот пёс
Нарушил тишину.
Да в это время, как на грех,
Не спал его сосед.
— Эй, ты, потише, пустобрёх! —
Залаял он в ответ.
И так как он рассержен был
И не был безголос,
То тут со сна заголосил
Ещё один барбос.
И тот соседей разбудил...

Вот тут и началось!
Пошло гулять по всем дворам:
— Не гавкать!
— Ти-и-хо!
— Что за гам?
— Да прекратите лай!
— Эй, будет вам,
И вам и вам! —
Хоть уши затыкай!

И каждый, главное, всерьёз
Других унять желает!
Не понимает он, барбос,
Что вам он — тоже лает.

БОРИС ЗАХОДЕР

А. БАРТО

„Может шустрая синица
В каждой школе появиться,
Прилететь в один момент.
Знай, она не просто птица—
Это наш корреспондент“.

(Смотри „Мурзилку“ № 7 и 10.)

К нам на пёстрые страницы
Прилетели две синицы.

Встретил их редактор наш,
Взял блокнот и карандаш.

— Где вы были? Далеко ли?
— На Арбате были в школе,

Заглянули в третий класс... —
Тут они вздохнули обе. —
Там Смирнов отстал в учёбе,
И представьте, из-за нас!

Скачет шустрая „сенница“,
Написал он на доске.
И за это единица
У Смирнова в дневнике.

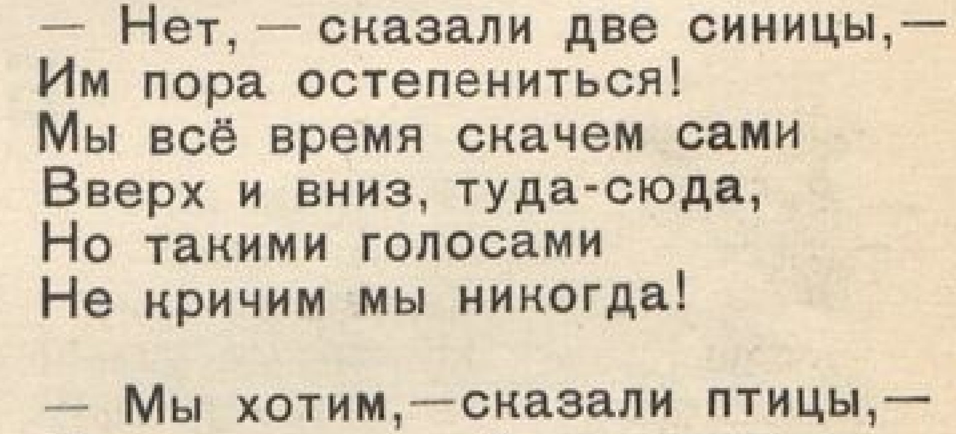
Он расстроился, бедняжка,
Слёзы брызнули из глаз.
Да и нам, конечно, тяжко,
Что неверно пишут нас!

— Ах, — воскликнули синицы, —
В школьном зале что творится!
Стайкой скачут ученицы,
Мчатся мальчики гурьбой,
Все кричат наперебой!

— Нет, — сказали две синицы, —
Им пора остепениться!
Мы всё время скачем сами
Вверх и вниз, туда-сюда,
Но такими голосами
Не кричим мы никогда!

— Мы хотим, — сказали птицы, —
На других детей взглянуть.

Тут вздохнули две синицы,
Вновь вспорхнули со страницы
И опять помчались в путь...

ПЁСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

КУДДУС МУХАММАДИ *Рис. В. СЕМЕНЦОВА*

ПЧЁЛЫ

Дом наш спит, и сад наш спит,
А пчела уже жужжит.
Быстрая пчела летает
С лепестка на лепесток,
Сок цветочный собирает.
Видно, сладок этот сок.

Эй, пчела, пчела, пчела!
К нам ты злою не была,
Ты всегда давала
Мёду нам немало.

Летом в нынешнем году
Много пчёл у нас в саду.
Говорят, что мы, ребята,
Вырастаем на меду.

Мы сколотим жёлтый ящик,
Улей самый настоящий,
Чтобы больше было мёду
Год от году,
Год от году.

ЭРКИН И ЯГНЁНОК

Словно мама за ребёнком,
Ходит мальчик за ягнёнком.
То притащит он дружку
Свежих листьев горстку,
То расчешет на боку
Золотую шёрстку.

До чего ж мягка, нежна
Шёрстка у овечки,
Завивается она
В мелкие колечки.

Всюду Эркин-джан дружка
Водит за собою,
И водой из родника
Он ягнёнка поит.

А ягнёнок слаб и мал,
Блеет тонко-тонко.

Эркин-джан в саду нарвал
Травки для ягнёнка.
Говорит: «Не торопись!»
Говорит: «Не уколись,
Кушай потихоньку».

Что за мальчик! Молодец!
Мальчик занят делом.
Хочет стать он, как отец,
Чабаном умелым.
В кишлаке его отец
Славится недаром:
Он в горах пасёт овец
Целую отару.

Перевёл с узбекского Н. Гребнев

На обложке — рисунок В. Щеглова

Художественный редактор О. Камкин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцатый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

Адрес редакции: Москва, А-55, Сущевская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А05998 Подп. к печ. 4/X 1954 г.
Уч.-изд. л. 2,8 Бумага $60\times92^{1}/_{8}$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 600 000 экз. Заказ 2101

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-55, Сущёвская, 21.

